

Письма Ю.А. Жданову

Ю.А. Жданов, «Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца». Ростов-на-Дону: Феникс, 2004, с. 376-396

28.5.1963

Здравствуйте, дорогой Юрий Андреевич!

Получил позавчера Ваше письмо – о Спинозе–Бойле. Над Спинозой я сижу давно, но до тех тонкостей, о которых задал Вам вопрос, еще далеко не дошел, – это, так сказать, задел впрок. Мне неясной осталась только одна фраза – что письма Спинозы интересны для истории атомистики, но «вряд ли сохранили какое-либо актуальное значение». Вы имеете под «актуальным значением» непосредственный эквивалент споров между ними в современных фактических представлениях? На это я, конечно, не надеялся. С точки зрения чисто фактических данных их разногласия судить вряд ли имеет смысл.

Мне-то интереснее принципиально-логическая сторона вопроса. Я плохо знаю химию, тем более – Бойля. Но Кедров обещал порекомендовать что-нибудь добротное и проконсультировать. Не напишете ли и Вы – что лучше и легче при моей необразованности почитать о его роли в развитии химических представлений? Тогда мне удалось бы сформулировать вопросы к Вам чуть-чуть конкретнее.

Смущает меня во всем этом одно. Вы пишете, что Спиноза прав лишь «в тенденции (борьба против метафизики естествоиспытателей), но исторически прогрессивней была позиция Бойля».

Тут-то для меня и гвоздь вопроса. Да, видимо, это – исторический факт. Но чисто исторический. Но вот когда историю приходится «выпрямлять» (выявлять ее логический стержень), то на таком, чисто исторически-фактическом суждении мне успокоиться трудно. Да, химия [378] развивалась именно так, и имя Бойля для нее, несомненно, остается одной из решающих вех пути. А не Спинозы. Этот где-то «сбоку»...

Но если мне хочется выявить значение для естествознания таких имен, как Спиноза, то судить тут приходится не с точки зрения сегодняшних химических представлений, во-первых, и не с точки зрения чисто исторических фактов, во-вторых, – а с точки зрения тех перспективных идей, которые в сегодняшних химических представлениях еще не реализованы, стало быть – «не подтверждаются» еще фактами.

Конечно же, прямая аналогия селитра – селитряный спирт и «лед – вода», которую Спиноза выдвинул в письме, с точки зрения и фактов, и более серьезных соображений, наивна. Она основывается на том, что селитра – это «простое» (неразложимое) вещество, и тогда Бойль прав принципиально, когда рассматривает «твердую и летучую части селитры как различные вещества». Тогда между логически-принципиальным подходом, требующим понимать это различие как различие внутри «одной и той же субстанции» (что, в конце

концов, тоже верно) и конкретно-химическим мышлением Бойля оказывается трудно заполняемая пропасть. Но тогда и мораль для естественника – философ прав лишь в плане «бесконечной перспективы» познания, и его суждение мало что может дать естественнику непосредственно. И тогда – в случае такой морали – естественнику полезнее «слушаться» («прислушиваться») к более «приземленной» философии.

Интересно мне вот что – почему все-таки Бойль вел диалог (через Ольденбурга) именно со Спинозой. «Мы с г. Бойлем нередко беседуем о вас, о вашей учености и о вашем глубокомыслии» – письмо XXII (XXV).

Здесь мне пока ничего не ясно. Но занимает меня это вот почему: с этим я часто встречался: с таким рассуждением: (извините за орфографию, о ней я сейчас не думаю).

Да, Декарт и Спиноза были правы против Ньютона принципиально, отвергая представление о пространстве [379] как о «пустоте». Но, одно дело – принципиальная правота, а другое – непосредственные пути науки, которая, де, только потому и сделала кое-что, что стала исходить из «неверного», но зато эвристически-плодотворного представления. Поэтому Ньютон, принявший «пустоту», создал теорию навека, а картезианство совершило логический «большой скачок», делая в XVII веке то, что объективно стало возможным лишь для века Эйнштейна.

«Большие скачки» – дело, разумеется, авантюрное, и одобрять его – тем более рекомендовать естественнику от имени философии, негоже. Слишком широкий логический принцип, прямо наложенный на частную проблему, ничего хорошего дать не может. Это так.

Но так ли уж неизбежным, с точки зрения интересов науки, было принятие Ньютоном «пустоты»? Ведь вместе с этим были узаконены и «дальнодействие», и – в конце концов – Бог.

Можно ли гипотетически представить себе, что Ньютон постулировал не «пустоту», а аристотелевско-картезианское (значит и спинозовское) представление о пространстве и развернул свой аппарат теории всемирного тяготения (особенно – математический) на этой основе?

Мне кажется, это вполне возможным, и математическая строгость ньютоновской физики от этого не только не пострадала бы, но, наоборот, яснее прочертила бы на математическом языке какие-то нерешенные, но зато перспективные ходы размышления.

В общем виде – неизбежно ли в логике развития науки заключена особая стадия, на которой, чтобы сделать великое, надо сделаться «индуктивным ослом»? Чисто аналитическая стадия.

Мне кажется, нет, ибо и «чисто аналитическая» стадия – это фантазия, придуманная задним числом, некритически-обрисованный ряд фактов. Из каких-то – из тех или иных – «логических» постулатов ведь исходит любой «чистый аналитик». Разница в том, из хороших или из тех, которые принимаются только ради легкости, ради «простоты» их применения, в частности, ради удобства отношений с теологией, догмой. [380]

Вот взаимоотношения Спинозы с Бойлем мне и хотелось бы понять в этом свете, в свете этой – и ныне актуальной – проблемы. Суть их разногласий вряд ли можно выразить

формулой – одна субстанция или два разных «вещества». В таком случае диалог со Спинозой вряд ли был бы интересен, занимателен для Бойля. Тут мне мерещится еще что-то важное – для Бойля. Что? – Этого я понять сам пока никак не могу.

Общий для них тезис – «природу надо объяснять из нее самой», – в коем Энгельс видит основной тезис Декарта – Спинозы, – для Бойля, видимо, был симпатичен. Но этого, наверное, мало, для того, чтобы вести длинный диалог.

Б.М. Кедров, с которым я вел на эту тему короткий разговор, сказал, что взаимный интерес Бойля и Спинозы обуславливался именно согласием в отношении этого главного принципа, – что оба они мыслили «на переднем крае» тогдашней культуры, и разногласия не имеют, мол, особого значения. Это – детали. Может быть, и так. Но тогда об отношениях Спинозы и Бойля мне придется ограничиться краткой фразой – похвалой в адрес «прогрессивности».

А если это не все? Если в их переписке есть кое-что интересное и в деталях? Какие-то общетеоретические соображения Спинозы, которые могли подтолкнуть Бойля на пути рассуждения, без них непонятные? Для этого надо прекрасно знать Бойля, а я этим знанием, увы, не обладаю. И если у Вас по этому поводу возникнут какие-нибудь соображения, то – поделитесь, пожалуйста.

Кстати, Бойль каких-нибудь определенных симпатий в философии придерживался? Остались ли следы его отношений с другими философами и системами, кроме спинозовской?

И еще кстати. Вы пишете: «Представления Спинозы (И других АТОМИСТОВ)». С «атомизмом» в строгом – демократическом – смысле у него отношения были ведь не простыми. Атомистом в строгом смысле его назвать трудно, – тут он был хитрее; атомизм, насколько я привык [381] думать, связан с принятием именно «пустоты». «Атомизм» у него присутствует, но как некоторый производный принцип, – геометрическая форма частиц для него не изначальный, тем более – не единственный принцип объяснения. Но с этим я тоже хорошенько еще не разобрался.

Если будет у Вас время, напишите, пожалуйста, что Вы думаете насчет всех этих довольно сумбурно напечатанных соображений.

С самыми лучшими пожеланиями Вам и Вашей семье.

Да! Чуть было не забыл. Здесь – в институте – затевают сочинение на тему «Ленин и современные проблемы науки и жизни». Название – ориентировочное. Пока дело на стадии рассуждений и мечтаний, и очень не хотелось бы, чтобы эту затею опошлили. Не смогли бы Вы помочь превратить эту работу во что-то более или менее серьезное? Пока – хотя бы соображениями, какие именно проблемы нужнее поставить в связи с идеями Ленина? Это я не только от своего имени прошу, а и от группы, которая будет реально отбирать и авторов, и темы и пр. Руководителем ее назначили Мшвениерадзе. Знаете? Он Вам напишет подробнее. Давыдова и Арсеньева постараюсь поймать сегодня же и попрошу их написать прямо Вам.

С

уважением,

Ильенков.

10.01.1968

Дорогой Юрий Андреевич!

Получил Вашу рукопись об «основном противоречии», прочитал ее раз, но прочитать второй раз, – чтобы написать о ней что-то, – никак не соберусь силами. Очень мешает всякая суета. Не знаю, дошли до Вас отголоски истерики, которую упорно стараются разжечь последний месяц кое-какие из известных Вам деятелей от философии – Молодцов, Косичев, Готт, Трошин и их друзья, – вокруг злосчастной статьи в «Комсомольской правде». Принимают осуждающие решения на своих кафедрах и ученых советах, шлют истерические письма в вышестоящие инстанции, запугивают начальство и т.д. и т.п. Все это настолько противно, что руки опускаются. Ничего не хочется делать.

18.01.1968

Опять вернулся к письму – отложил его, так как думал, что Вы в Москве. Жаль, что не удалось поговорить. Вы помогли бы мне выбраться из дурного настроения. Никак оно не проходит – а в итоге даже письмо написать – и то превращается в проблему. Уж очень хочется этим молодцовым вернуть все назад. А их, увы, много. Вот и думается – еще двести лет будет тянуться эта ерунда, если раньше бедой не кончится. И валится все из рук, хочется махнуть рукой на всю эту философию несчастную и беспомощную и заняться чем-нибудь другим... Такие-то вот настроения совсем меня одолели. И трудно решить – насколько они оправданы. Но впечатление все же такое, – интегрально-интуитивное – что наступает [389] полоса тухлого безвременья, когда все те, кто мог бы что-то делать интересное – забираются в свои норы, а на свет опять выползает всякая нечисть, ничего не забывшая и ничему не научившаяся, только сделавшаяся еще злее и сволочнее, поскольку проголодалась. И никак не удастся взглянуть на все это дело «философски», то бишь «суб специе этернататис». Даже не знаю – посылать Вам эти ламентации или лучше порвать и переждать с письмом, пока не посветлеет на душе.

Так что уж не обижайтесь, Юрий Андреевич, если мало вразумительного смогу сформулировать на этот раз насчет «частично-всеобщего» и связанных с ним тонкостей.

В общем и целом мне дело тоже представляется именно так. Я тоже привык представлять себе нынешнюю полосу с точки зрения примерно тех же категорий, – как фазу на пути от формального «обобществления» – к реальному, до которого, увы, видимо еще далековато. Печально, однако, то, что во всем этом движении мало ясного теоретического понимания и слишком много фразы, много демагогии, отчего процесс и протекает так мучительно, и с такими издержками, которые едва ли не превышают потенциальные выгоды от формального обобществления, едва ли не сводят их на нет.

Так что чисто теоретически я с вашим текстом согласен полностью, – вопрос, однако, в том, какие же конкретные социально-экономические меры могли бы обеспечить максимум преимуществ, созданных фактом формально-юридического обобществления собственности и пресечь всякого рода кукурузу. Видимо, иного противовеса формализму, возомнившему себя раньше времени «реальностью», кроме открытого признания прав товарно-денежных отношений, нет. Так что существующую ситуацию и надо, наверное, познать методом «раздвоения единого», – богу богово, кесарю – кесарево, то есть совершенно четко определить права формализма, вытекающие из его реальных возможностей, и ясно очертить ту сферу, которая формализму реально неподвластна. И пусть она конституируется сама,

как знает, ибо стихия [390] тоже содержит в себе свой «разум», – и иногда более разумный, нежели формальный. Тогда и формальный разум делается, может быть, несколько более самокритичным и поворотливым – каковым он сам по себе, боюсь, не делается никогда.

Формально обобщить можно ведь с пользой только то, что уже реально для него созрело. Иначе из этого выйдет только вред и издевательство, застой. Особенно при нынешнем состоянии теоретического разума. Не надо заглатывать больше, чем способен переварить желудок. Эту истину мы слишком часто забывали, оставшись без Ленина. Слишком часто принимали свой относительный разум за Абсолютный, за всемогущий, за всеведущий.

«Частично-всеобщий» = абстрактно-всеобщий = мнимо-всеобщий. А реально-частичный самый что ни на есть. В этом «единстве противоположностей», в этом спутанном противоречии (Ср. Гегель о единстве и путанице противоположностей), надо прежде всего выявить то, что действительно, реально, является в нем «всеобщим», а что – нет. Только после этого и можно, наверное, учредить более или менее разумное «единство». И надо эти противоположности максимально четко развести, прежде чем синтезировать.

В понятии же «частично-всеобщего» они не выявлены, спрятаны, а потому то и дело выступают под маской своего «иног». Да, понятие «частично-всеобщего» совершенно точно выражает тот эмпирически-фактический «синтез», который есть. И потому, может быть, самое это понятие требует несколько более подробного анализа, – четкого, ясного, до цинизма трезвого. Да, труд стал «всеобщим» лишь «отчасти», лишь частью. В какой реальной мере и степени? Тут-то и весь вопрос. Эту меру и надо определить, чтобы не превышать, чтобы не пытаться командовать тем, что этому командованию не поддается по сути дела, чтобы ясно очертить правомочия. А с тем, что лежит за пределами этой «меры» – играть честно, по строго установленным правилам, не меняя их к своей выгоде, как заблагорассудится. [391]

Мне и кажется, что единственно верным было бы сказать: вот в этих-то и этих-то пределах, четко очерченных, «частичный труд» – полный хозяин, и в эти пределы не имеет права совать носа ни один «представитель Всеобщего» – Абстрактно-Всеобщего. Пусть он помнит, что он лишь абстрактно – всеобщий, то бишь мнимо-всеобщий. И в этих пределах, – то есть на рынке, – пусть господствуют законы рынка. Со всеми их минусами. Ибо без этих минусов не будет и плюсов.

На границе же между рынком – и Всеобщим, – пусть и создается тот самый относительно разумный «синтез», который никак не может стать «разумным» по той причине, что эта граница ясно не прочерчена, – откуда и происходят взаимные нарушения границы без понимания того, что это – нарушения.

Тогда и получится ясная картина, – картина борьбы взаимно-исключающих принципов, – а не их «диффузия», что хуже открытой и честной борьбы, ибо диффузия превращает всю эмпирию в одну серую кашу.

Так что мне и кажется, что в понятии «частично-всеобщего труда» задача на анализ скорее поставлена, нежели еще решена. Противоречие зафиксировано, – да, – и показаны эмпирические способы его проявления. Причем, проявления негативного плана, в коих повинна именно «частичность». Но откуда эта «частичность» действует? Какой полюс ее продуцирует? Рынок или его полярная противоположность, частичность под маской

Всеобщего? Частичность, возомнившая себя непосредственной всеобщностью, или же частичность, честно понимающая, что она частичность и ничего более?

Надо ясно очертить компетенции той и другой разновидности «частично-всеобщего», тогда яснее станет и доза вины и той и другой за негативные последствия, как и за позитивные, этой, данной формы синтеза «всеобщего» и «частного», – государства и рынка, диффузно окрасивших друг друга...

Пожалуй, ничего более вразумительного я тут придумать не могу. Может быть, в моих рассуждениях и сказывается [392] то ипохондрическое настроение, которое меня одолело. Но ведь и оно имеет свои корни там же?

Никак я не могу принять, что Молодцев – Трошин, старающиеся присвоить себе монополию на «истину в философии», на роль «воплощения разума», имеют на это большее право, чем те, которых они хотели бы осудить как «ревизионистов». Они-то ведь никак не признают, что они – только «частично-всеобщие» – и неизвестно еще, насколько велика эта частичка «всеобщего» в их мозгах. Думаю, что там она давно превратилась в чистую фикцию, в фразу... А где у меня и у Арсеньева возможность и право бороться за другую, – и может быть, более солидную дозу «всеобщего»? Вот и впадаешь в пессимизм, особенно, когда устанешь, особенно, когда – оглянувшись – увидишь, как немного сил. И как они все распылены, насколько «частичны».

Ну, ладно, пока кончу на этом. Ежели у Вас есть лишняя капелька оптимизму – поделитесь!

Может быть, в феврале и приедем с Василь-Васил. Поклон семье и, в частности, – гносеологу <это – мой сын Андрей>.

Оля все хочет спросить Ваше мнение про ее книжку – не решается.

До свидания!

Эвальд.